

**СЕТЕВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И
СОЦИАЛЬНАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ: ДИАЛЕКТИКА
ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТИ**

С.В. Воробьева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220004, Минск, Республика Беларусь
cherbourg@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается диалектическое соотношение сетевой идентичности и социальной эпистемологии как разнонаправленных тенденций экстерриториальности и территориальности. Тенденция экстерриториальности обоснована в контексте стремления сетевой идентичности к поиску и реализации свободных стратегий в реализации себя посредством практик номадизма. Тенденция территориальности обоснована в контексте пространственно-временных мест самосознания культуры как условий эпистемологического конструктивизма.

Ключевые слова: Сетевая идентичность; экстерриториальность; социальная эпистемология; территориальность; социальное понимание; сетевой номадизм.

**NETWORK IDENTITY AND SOCIAL EPISTEMOLOGY:
THE DIALECTICS OF EXTRATERRITORIALITY
AND TERRITORIALITY**

S.V. Vorobjova

Belarusian State University
Independence Avenue 4, 220004, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The article reveals the dialectical relationship between network identity and social epistemology as multidirectional tendencies of extraterritoriality and territoriality. The tendency of extraterritoriality is justified in the context of the aspiration of network identity to search for and implement free strategies in self-realization through the practices of nomadism. The tendency of territoriality is substantiated in the context of space-temporal places of cultural self-awareness as conditions of epistemological constructivism.

Keywords: Network identity; extraterritoriality; social epistemology; territoriality; social understanding; network nomadism.

Актуальность сетевой идентичности и социальной эпистемологии в контексте диалектики экстерриториальности и территориальности

обусловлена образами мира и сценариями жизни, опирающимися на знания. Эти знания оказываются не всегда надежными и достоверными, но именно они непременно порождают ряд феноменов, например, *доверие/недоверие*, *согласие/несогласие* или *веру/неверие в достоинство своих/чужих*, являющихся, с одной стороны, когнитивными механизмами сетевой идентичности, с другой, – формируемыми и поддерживаемыми социальным контекстом. Цель данной статьи заключается в раскрытии диалектического соотношения экстерриториальности сетевой идентичности и территориальности социальной эпистемологии.

Метафорическим означающим сетевой идентичности выступает пребывание «в вечном движении». Подобное означающее находится в корреляции с образом жизни выросшего молодого поколения, которое не представляет себя и свою повседневность вне социальных сетей [1–4]. Социальные сети изменяют структуру коммуникационного опыта, а также систему правил и допущений, в соответствии с которыми организуется взаимодействие. Прежде всего, модифицируется система восприятия, расширяя свои временные генетические рамки. Если в нецифровом мире восприятие, вырастающее из опыта ощущений, обеспечивало дальнейшее интеллектуальное развитие посредством «цифровых» логико-лингвистических представлений (и развития долговременной памяти), на основе которых формировалось абстрактное мышление, то в новых цифровых условиях доминирует восприятие, поддерживаемое визуальными аналоговыми образами правополушарного мышления. Можно утверждать, что именно по этой причине основными характеристиками сетевых коммуникаций становятся, по словам Д.А. Аникина, импульсивность и оперативность [5, с. 19]. Поэтому сетевая идентичность «цифровых аборигенов» вызывает опасение своей фрагментарностью и расщепленностью. Данное состояние не только не приближает к какому-либо постоянству, но удаляет от него и целостности, которые, если следовать максиме Л. Витгенштейна о границах бытия, сопряжены с принципом территориальности как пространственной основе значения и смысла. Границы бытия определяются границами восприятия, онтологически распознаваемыми как язык. Такая онтология ставится под вопрос, так как то, что раньше транслировалось посредством дескриптивных силлогизмов, сегодня транслируется преимущественно посредством визуальных образов.

Сетевая идентичность в фокусе социальной эпистемологии подразумевает экстерриториальное, т.е. привязанное преимущественно к себе, пребывание индивида в сложных асинхронных контекстах, которые подсказывают сценарии жизнедеятельности и взаимодействия. Например, сценарий традиционного вестерна предлагает «бесконечный путь к

лучшему» [6, с. 21]. Он включает неисчислимое количество механизмов конструирования и способов трансляции различных видов и вариантов идентичности. Индивидуальность сетевой идентичности раскрывается в большей степени в рефлексивных аспектах, чем в аспектах рефлексивных. Рефлексивные действия как самость и рефлексия как критическое мышление по-разному проявляют себя в контексте практической жизни и социальных практиках, например, в осмысленном отношении к образованию, праву или демократии. В атрибутивном аспекте сущность самости составляют принципы объединения бессознательного и сознательного. В деятельно-практическом ракурсе самость раскрывается как совокупность коммуникативных способов вычленения индивида из его среды и эпистемологических способов легитимации себя в социальных практиках. По вопросам самости и диалогической самости хочу сделать отсылку к психологическим исследованиям белорусского ученого Г.А. Фифановой [7].

Социальная эпистемология в фокусе сетевой идентичности представляет собой непосредственные территории, формирующие сценарии жизнедеятельности, ментальности и взаимодействия, но не являющиеся институализированными. Поэтому исследования в области социальной эпистемологии как институализированном дисциплинарном знании подразумевают в качестве предметной области сетевую идентичность, конструируемую в соответствии с предлагаемыми сценариями. В этом аспекте социальная эпистемология неотделима от эпистемологии исторической и культурно-исторической [8; 9]. Предметную область социальной эпистемологии можно обозначить посредством вопросов: Что сетевой индивид может знать? Где границы его знания? Почему он предпочитает смотреть на мир глазами блоггеров? Способен ли сетевой индивид на точку зрения или его навык ограничен высказыванием мнения? Может ли сетевой индивид воспринимать информацию нелегковерно? Каким образом становятся «авторитетами» сетевого общественного мнения? Сетевые индивиды в большей степени читают сообщения друг друга или пишут друг другу, слышат друг друга или слушают друг друга? Что сетевой индивид представляет собой как познающий субъект? Свободен ли сетевой индивид в своем познании от институализированных способов легитимации истины? Как это влияет на принимаемые им решения?

Сетевая идентичность складывается в гиперпространстве. Это значит, что сдвиг от индивидуального к социальному пониманию сопряжен с избытком пространства, который М. Оже определяет как множество мест, одновременно присутствующих в зоне восприятия индивида [10, с. 37–40]. Гиперпространство, не соизмеримое с конкретной «территорией смысла», соизмеримо лишь с экстерриториальными практиками номадизма [11],

формирующими экстерриториальное понимание, вмещающее только себя. В таких рамках иначе реализуются права индивида на самоутверждение и на признание. Номадизм характеризуется отсутствием привязок к реальным пространственным местам, где может происходить самоутверждение индивида и его признание (семья, учреждение образования, место работы и пр.). Аналогичные процедуры в сетевых условиях привлекают своей скоростью и необременительностью. Так, авторы постов излагают свое мнение только для того, чтобы получить лайки, что подтверждает зависимость сетевой идентичности от внешней оценки. А признание, которое в нецифровом мире не может быть самоцелью вследствие его сложной достижимости, для сетевой идентичности становится главным критерием личной состоятельности. Для этого используются, например, эпатаж с целью привлечения внимания или эскапизм как уход от себя и от социума. Таким способом достигается бессмысленная «горделивая» свобода от территорий, или «детерриториализация», по Ж. Делёзу [12], от всего, что закрепощает.

Открытость индивида Другому в социальных сетях, что, собственно, составляет механизм идентичности, часто оказывается ловушкой разочарования в контексте культурной виртуальной переключки. В частности, там, где индивид, «рассчитывает отыскать человеческое содержание, оказывается пустота. Субъекта нет, а есть только социальные роли. Социальное заменяет индивидуальное» [13, с. 144–145]. Происходит замещение индивидуального понимания пониманием социально-групповым. Его основными когнитивными механизмами выступают «прямое социальное восприятие и различные формы воплощенной социальной практики». Используются также теоретизирование и ментальные симуляции, но реже [14, с. 6].

Взаимовлияние сетевой идентичности и социальной эпистемологии раскрывается с помощью двух бинарных ортогональных оппозиций: пространственных оппозиций *сближение/отдаление* и временных оппозиций *долговременность/кратковременность*. Образованные ими квадранты отображают, согласно концептам Э. Левинаса [15], *близость/отчуждение* для долговременных коммуникационных циклов и *включенность/соприсутствие* – для циклов кратковременных. Категориальная пара *близость/отчуждение* сопряжена с социальной и исторической памятью [16], сдерживающей превращение своего в чужое и чужого в свое. Практики сетевого номадизма оказываются практиками краткосрочными. Их целесообразность определяется включенностью или соприсутствием. Включенность вовсе не означает близость проблемы, а соприсутствие – вдумчивый поиск ее решения. Каждое событие связано с другими событиями отношением соприсутствия, занимая небольшую часть

времени-пространства в конструктах сетевой идентичности, например, когда видят или слышат одно, а думают или говорят другое.

Пространственные характеристики присутствия, например, *здесь* или *там*, имеют не категориальное, а экзистенциально-диалоговое значение. Опираясь на терминологию Э. Левинаса, определяю присутствие в сети как встречное для других соприсутствие. Свойствами соприсутствия являются одиночество и разлука, безразличие и чуждость. Поэтому соприсутствие лишь предвосхищает встречу и заботу, которые станут означаемым присутствия, но настолько, насколько оно высвобождено для события. События всегда связаны с бытийным устройством, атрибутами которого являются заступничество, забота и ответственность. Аналитика событий, или того, что случается, – путь преодоления индифферентности ума и дефектов мышления сетевой идентичностью.

Оппозиция *включенность/соприсутствие* обуславливает радикализм и парадоксальность сетевой идентичности. В своей аргументации она проявляет радикализм, не замечая подвижных семантических границ, «текучих переходов в значениях», пороговых значений [17, с. 107], из чего проистекают парадоксы экстерриториальности. Они подтверждаются наличием противоположных операторов общности: пространственных – *езде/нигде*, и временных – *всегда/никогда*. В частности М.Р. Арпентьева отображает эту парадоксальность метафорами «человек мира» и «человек без корней» [6, с. 17]. Они существуют в постмодернистских экстерриториальных смысловых рекомбинациях [12], порождающих иллюзию свободы.

Преодоление экстерриториальной парадоксальности сетевой идентичности и легковерно воспринимаемого ею радикализма в способах аргументирования происходит двумя путями: посредством отрицания операторов общности (*не везде, не всегда*) или посредством экзистенциальных операторов (*где-то, кое-где, иногда*) [17, с. 157–158]. Территориальные границы определяются ценностями. Ценности как регуляторы образа жизни «раскрываются двойственным образом»: «как образ мышления, детерминирующий способы понимания бытия» и «как способы понимания бытия, имеющие свои чувствительные пороги» [18, с. 80].

Таким образом, диалектическое соотношение сетевой идентичности и социальной эпистемологии раскрывается как разнонаправленные тенденции. Тенденция экстерриториальности выражает стремление сетевой идентичности к поиску и реализации свободных стратегий в реализации себя посредством практик номадизма. Атрибутами экстерриториальности сетевой идентичности выступают включенность и соприсутствие, что вытекает из асинхронности существования. Тенденция территориальности отражает пространственно-временные места самосознания культуры, в пределах

которых формируются привычки и ценностные ориентиры, складываются телесный и ментальный опыт – все то, что составляет социальную эпистемологию. Синхронизация существования лежит в плоскости уравнивания тенденций посредством трансформаций в сфере социальной эпистемологии.

Библиографические ссылки

1. Бусыгина Н.Р., Аблов О.И. Социальные сети как часть жизненного пространства молодежи // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: коллективная монография / под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М.: 2019. С. 100–103.
2. Гигин В.Ф., Грищенко Ж.М. Студенты эпохи цифровых технологий: жизненные смыслы в реалиях белорусского общества // Социологические исследования. 2021. № 1. С. 110–120.
3. Носова С.С., Кужелева-Саган И.П. Молодежь в сетевом информационно-коммуникативном обществе: зарубежные подходы к изучению проблемы // Сибир. психолог. журнал. 2013. № 49. С. 85–96.
4. Фофанова Г.А., Мизгирева М.Ю. Взаимосвязь самопрезентации в электронных социальных сетях и реальной самопрезентации у представителей молодежи // Ананьевские чтения–2016: Психология: вчера, сегодня, завтра: материалы международной научной конференции, 25–29 октября 2016 г.; в 2-х томах. Том 2./ отв. ред. А.В. Шаболас, Н.В. Гришина, С.В. Медников, Д.Н. Волков. СПб.: Айсинг, 2016. С. 319–320.
5. Аникин Д.А. Конструкция социальной памяти: от структуры к сети // Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: сборник статей международной научно конференции. Липецк–Тамбов: Издательство Першина Р.В., 2014. С. 16–22.
6. Арпентьева М.Р. Идентичность и цифровой нomaдизм // Медиафера и медиаобразование. 2016. № 5. С. 17–27.
7. Фофанова Г.А. Структурно-содержательные особенности проявления диалогической самости в образовательных субкультурах // Психология социального развития: полифония жизни : сб. науч. тр. кафедры психологии / Рос. гос. соц. ун-т; науч. ред.: Ю.Н. Карандышева, Н.В. Гольцова. М., 2010. С. 190–200; Фофанова Г.А. Образовательная субкультура и диалогическая самость студентов: результаты интердетерминации // Философия и социальные науки. 2015. № 4. С. 54–58; Фофанова Г.А. Диалогическая самость в автобиографических нарративах субъектов образовательных субкультур // Культура. Взаимодействие. Диалог. ; сб. науч. тр. / Гродн. гос. ун-т; редкол.: Л.М. Даукша (гл. ред.), А.В. Ракицкая. Гродно, 2015. С. 316–322; Фофанова Г.А. Механизмы интердетерминации диалогической самости студентов и образовательных субкультур // Зб. навук. пр. / Акад. паслядыплом. адукацыі. Мінск, 2016. Вып. 14. С. 444–455.

8. Сайганова В.С. Историческая эпистемология: истоки и современное состояние // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2020. № 3. С. 26–30.

9. Герасимова И.А. Проблемы логико-эпистемологического анализа культурных практик // Философия познания. К юбилею Л.А. Микешиной. М.: РОССПЭН, 2010. С. 251–263.

10. Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 136 с.

11. Воробьева С.В. Цифровая идентичность в сетевом сообществе: практики номадизма и пограничные состояния // Феномен границы в глобализирующемся мире : сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: М.А. Слемнев (гл. ред.), Е.В. Давлятова, Э.И. Рудковский. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. С.121–124.

12. Малиновская М.А., Воробьева С.В. Концепция смысла в постмодернистской теории Ж. Делёза: семиотические и когнитивные аспекты // Интеллектуальная культура Беларуси: духовно-нравственные традиции и тенденции инновационного развития : мат. Пятой междунар. науч. конф. (19–20 ноября 2020 г., г. Минск). В 3 т. Т. 1 / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол. А. А. Лазаревич (пред.) [и др.]. Минск : Четыре четверти, 2020. С. 113–116.

13. Буева Л.П. Распад идентичности // Вестник РФО. 2011. № 4. С. 144–147.

14. Филатов В.П. Социальное понимание и проблема «другого сознания» // Эпистемология и философия науки. 2020. Т. 57. № 4. С. 6–22.

15. Lévinas E. Totalité et infini. Essai sur L'Extériorité. Kluwer Academic, 1991. 343 p.

16. Фоломеева Т.В., Винокуров Ф.Н. Исследования культурной памяти в социальных сетях // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: коллективная монография / под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. М., 2019. С. 95–100.

17. Воробьева С.В. Логика: теория аргументации и критического мышления: учебно-методическое пособие. – Минск: БГУ, 2018. – 231 с.

18. Сарычева А.В., Воробьева С.В. Ценности студенческой молодежи в когнитивном контексте аргументации // Аксиологическое измерение образа жизни современной молодежи: мат. междунар. науч.-практ. online-конференции, Витебск, 6 декабря 2019 г. / Витеб. гос. ун-т; Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2019. С. 80–82.